

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.2>

UDC 1(470+571)“19”
LBC 66.1(2)

Submitted: 03.12.2020
Accepted: 25.02.2021

**CERTAIN ATTITUDES TOWARDS BYZANTIUM
AS MANIFESTED IN THE RUSSIAN HISTORIOSOPHICAL LITERATURE
OF THE EARLY AND MIDDLE 19th CENTURY
(IVAN KIREYEVSKY, PETR CHAADAEV, ALEXANDER PUSHKIN, ARIST KUNIK)¹**

Dmitry S. Biriukov

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russian Federation;
Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk),
Novosibirsk, Russian Federation;
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* I expose in Ivan Kireyevsky a specific attitude to the Byzantium, which I qualify as byzantinocentric. *Methods and materials.* I use the historical method. Materials are Russian Historical and Publicistic Literature. *Analysis.* In the course of research, I identify two opposite lines in terms of perception of the image of Byzantium, manifested in the circle of Kireyevsky. One of these lines may be called anti-Byzantine, while the other Pro-Byzantine. The first line goes back to the anti-Byzantine message inherent for the age of Enlightenment. It found its expression in the “Lectures for the philosophy of history” by Georg Hegel, which became known in Russia soon after its publication. In this study, I point out in Kireyevsky the traces of an implicit polemic with Hegel’s anti-Byzantinism and reveal the context of this polemic in Russian literature. I find such a context in Arist Kunik’s papers. *Results.* This anti-Byzantine line is clearly seen in Petr Chaadaev, for whom the theme of the relationship of Russian civilization with the Byzantine was sensitive, because Chaadaev considered such a relationship very negatively. This view is the opposite of Kireyevsky’s one, for whom this relationship is also obvious, but Kireyevsky perceives it as happy. Alexander Pushkin – a close acquaintance of both Chaadaev and Kireyevsky (in pre-Slavophil period of the latter) – also recognizes this kinship and, like later Kireyevsky, perceives it as happy and beneficial for Russia (i.e. the both share the Pro-Byzantine line). At the same time, Pushkin’s view assumes freedom and the absence of determinism of Russia by Byzantium, which is inherent to Chaadaev’s position. The difference between Pushkin and Kireyevsky in this respect is that Kireyevsky’s byzantinocentrism includes the idea of a higher spiritual connection between Byzantium and Russia, whereas Pushkin leaves Russia free from Byzantium in this respect as well.

Key words: Byzantium, Russia, Ivan Kireyevsky, Alexander Pushkin, Georg V. F. Hegel, Petr Chaadaev, Arist Kunik, Slavophilism, philosophy of history, historiosophy.

Citation. Biriukov D.S. Certain Attitudes Towards Byzantium As Manifested in the Russian Historiosophical Literature of the Early and Middle 19th Century (Ivan Kireyevsky, Petr Chaadaev, Alexander Pushkin, Arist Kunik). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 4, pp. 16-27. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.2>

**НЕКОТОРЫЕ ЛИНИИ ОТНОШЕНИЯ К ВИЗАНТИИ,
ПРОЯВЛЕННЫЕ В РУССКОЙ ИСТОРИОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
НАЧАЛА – СЕРЕДИНЫ XIX в.
(И.В. КИРЕЕВСКИЙ, П.Я. ЧААДАЕВ, А.С. ПУШКИН, А.А. КУНИК)¹**

Дмитрий Сергеевич Бирюков

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Институт философии и права Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск),
г. Новосибирск, Российская Федерация;
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Я выявляю в славянофильском учении И.В. Киреевского особое, специфическое отношение к Византии («византийскому просвещению»), которое квалифицирую как византиноцентризм. *Методы и материалы.* Я использую стандартные исторические методы исследования. Материал – русская историко-публицистическая литература. *Анализ.* В ходе исследования выявлено две противоположные линии в плане восприятия образа Византии, проявляющиеся в круге Киреевского. Одну из этих линий можно назвать антивизантийской, другую – провизантийской. Первая линия восходит к антивизантийскому посылу, характерному для эпохи Просвещения; она нашла свое проявление в «Лекциях по философии истории» Г.В.Ф. Гегеля, которые стали известны в России вскоре после их публикации. В настоящем исследовании я указываю на следы в статье Киреевского «О характере просвещения Европы» имплицитной полемики с антивизантизмом Гегеля и выявляю контекст этой полемики в русской историко-публицистической литературе. Такой контекст я обнаруживаю в статьях А.А. Куника. *Результаты.* Эта просвещенческая антивизантийская линия ярко проявлена у П.Я. Чаадаева, для которого тема родственной связи русской цивилизации с византийской была острой – потому что Чаадаев рассматривал такое родство весьма негативно. Такой взгляд противоположен взгляду Киреевского, для которого эта связь также представляется очевидной, однако Киреевский воспринимает ее как счастливую. А.С. Пушкин – близкий знакомый как Чаадаева, так и Киреевского (еще в его дославянофильский период) – также признает эту родственную связь и, как и позднее Киреевский, воспринимает ее как счастливую и благотворную для России (то есть у обоих имеет место провизантийская линия). При этом взгляд Пушкина предполагает свободу и отсутствие детерминированности русских византийским наследием, каковая заложена в позиции Чаадаева. Разница же между Пушкиным и Киреевским в этом плане в том, что византиноцентризм Киреевского включает в себя представление о некоей высшей духовной связи между Византией и Россией, тогда как Пушкин оставляет России свободу от Византии и в этом отношении.

Ключевые слова: Византия, Россия, И.В. Киреевский, А.С. Пушкин, Г.В.Ф. Гегель, П.Я. Чаадаев, А.А. Куник, славянофильство, философия истории, историософия.

Цитирование. Бирюков Д. С. Некоторые линии отношения к Византии, проявленные в русской историософской литературе начала – середины XIX в. (И.В. Киреевский, П.Я. Чаадаев, А.С. Пушкин, А.А. Куник) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 16–27. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.2>

Введение. Настоящая статья задумывалась как исследование предыстории идей одной из моих предыдущих статей, опубликованной в византийском номере «Вестника Волгоградского университета», посвященной философскому статусу паламизма и варлаамизма в русской религиозной философии 1910-х гг. [2]. Одна

из намеченных мною в этой статье линий, проводимых П.А. Флоренским и его кругом, связывала паламизм, как и ортодоксальное богословие вообще, с платонистической линией в истории философии. Я пришел к выводу, что эта линия в русской философии восходит по крайней мере к И.В. Киреевскому.

Методы и материалы. Это подтолкнуло меня к пристальному изучению историософского наследия Киреевского и его круга, чтобы, используя исторические и историософские методы, понять контекст, логику и внутренние причины проводимой Киреевским квалификации византийской богословской мысли как платонической в своей сути. Мои исследования этого вопроса еще далеки от завершения, однако изучение соответствующих текстов позволило поставить перед собой новые вопросы и сделать наблюдения, лишь косвенно относящиеся к изначальному вопрошанию. Эти наблюдения и предлагаются на суд читателя.

Анализ. В середине XIX в. – после «греческого проекта» Екатерины II, но до появления в России академической византистики – в русской интеллектуальной культуре начинает играть заметную роль образ Византии. Мною используется слово «образ» потому, что в XIX в. до появления академической византистики когда шла речь о Византии, как правило, использовалось и обсуждалось не столько представление о Византии в ее конкретно-историческом содержании, сколько понятие, нагруженное содержанием идеологическим (и в частности, политическим). В свою очередь, это идеологическое содержание несло в себе как коннотации, сформированные в европейской культуре ранее, в XVII и начале XIX в., так и коннотации, сформировавшиеся к середине XIX в. и соответствующие нуждам этого времени.

Так, Византия играет ключевую роль в программной статье представителя славянофильского движения Ивана Васильевича Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (письмо к графу Е.Е. Комаровскому)», опубликованной в 1-м (единственном изданном) томе альманаха славянофилов «Московский сборник» за 1852 г.² (с. 1–68)³. Здесь Киреевский проводит представление о Византии как о цивилизации, воплотившей совершенный тип просвещения, в рамках которого достигим совершенный вид познания (именно такую историософскую позицию я и называю «византиноцентрической»). В этом качестве Византия, в аспекте того типа просвещения, который воплощает собой эта цивилизация, фак-

тически предстает у Киреевского в качестве идеального «Я» по отношению к России, унаследовавшей у Византии этот вид просвещения, но не воплотившей его еще в полной мере. По крайней мере, такая историософия просматривается в сочинении Киреевского «О характере просвещения Европы»; образ же Византии, представленный в более поздней программной статье Киреевского «О необходимости и возможности новых начал для философии» (1856), более сложен, но его я здесь касаться не буду.

«Византия» Киреевского существовала не в пустом пространстве. Был ряд мыслителей, в том числе друзей и идейных противников (что совсем не исключало друг друга) нашего автора, высказывавших те или иные представления о Византии, которые – насколько можно судить – возмущали Киреевского, или же которые были ему симпатичны. Надо сказать, что в эпоху Киреевского в общественном мнении превалировало видение Византии скорее в черных тонах (об источниках этого я еще скажу), и в окружении Киреевского отношение к Византии в основном было либо откровенно негативное, либо, если не негативное, то далекое от идеализации; видение же Византии такое, которое разделял Киреевский, было скорее редкостью.

Этот спектр позиций, фон и контекст византинизма Киреевского я и хочу освятить в ряде исследований, первое из которых представляет собой данная статья. Ни одно из известных мне комментированных изданий статьи Киреевского «О характере просвещения Европы» не касалось этого контекста: ни академические издания с комментариями Ю.В. Манна [4, с. 418–420 (примечания)] и В.Н. Грекова [16, с. 930–963 (комментарии)], ни более популярные издания с комментариями Н.Ю. Лазаревой [9, с. 502–517 (комментарии)]; 6, с. 398–414 (комментарии)].

Известные мне единичные исследования, где затрагивается вопрос об образе Византии в русской культуре XIX в., также не проводят анализа этого контекста, и даже не осознают особенности византиноцентрической позиции И. Киреевского на фоне эпохи. Так, И.Ф. Мейендорф в статье «Византийское влияние на русскую цивилизацию» вообще не замечает византинизма, присутствовавшего в славяно-

фильском движении [13, с. 662; пер. с изд.: 28], а Сергей Иванов в своей обзорной статье, посвященной образу Византии в русской культуре от эпохи Древней Руси до Путина, ведет речь лишь про одного из симпатизантов раннего славянофильства – Федора Тютчева и не упоминает Киреевского [26, р. 60 (о Тютчеве)]. Дмитрий Оболенский в своей обзорной статье [30]⁴ (републиковано в: [29, р. 193–204]) упоминает (мимоходом) и Киреевского, и еще одного из героев моих исследований – Т.Н. Грановского, но его изложение этого материала очень краткое и не нацелено на анализ деталей.

Византиноцентризм И.В. Киреевского. Сначала я более подробно коснусь содержания соответствующих статей Киреевского, и в первую очередь его статьи «О характере просвещения Европы».

Мыслитель начинает свое сочинение с полемики со взглядом, по которому «наша», то есть российская образованность полностью определяется современной образованностью (просвещения) Западной Европы, по отношению к которой «мы» находимся в позиции учеников. Киреевский указывает на Петра I как на ярчайшего представителя и проводника такого взгляда, политика которого сформировала в России социальный класс, разделяющий эти убеждения [7, с. 249–250]. Однако, считает Киреевский, плоды данного современного западноевропейского (или просто: европейского) просвещения оказались разочаровывающими для людей, которые мыслят исходя не из сиюминутных интересов [7, с. 250–251]. Причиной явился характер этого просвещения, для которого характерна односторонность, холодный анализ, отвлеченно-силлогистическое мышление, замкнутость на личном опыте и собственном рассудке. В свою очередь, такой характер просвещения сформировался по причине происшедшей в ходе исторического процесса абсолютизации особенностей мировосприятия западного, или римского средневекового христианства (пропитанного еще дохристианским римским менталитетом), которое вследствие разделения церковью и иными причинами развивалось на Западе односторонне [7, с. 257–258, 296–297].

Коллективный разум Европы, утверждает Киреевский, в его эпоху достиг собствен-

ных границ и осознания этих границ; он убедился, что для полноценного мышления требуются иные источники познания, чем те, которые мышление может обрести в себе самом [7, с. 252–253]. По Киреевскому, фигура философа аккумулирует жизнь и сознание народа, к которому он принадлежит [7, с. 252], и в случае народов Западной Европы, образующих духовное единство (ср. [7, с. 256]), фигурой, воплотившей это осознание философией собственных границ, является Фридрих Шеллинг [7, с. 270–271], а соответствующей философской системой, в которой философия достигает своих границ, является учение Шеллинга периода его философии Откровения. Достигнув таким образом границ, считает Киреевский, западная философия не способна развиваться далее исходя из собственных оснований [7, с. 271]. Вследствие этого разочарования, вызванного самой природой западноевропейского просвещения, европейский человек (и западно-, и восточноевропейский, то есть русский человек) утерял веру в возможности разума и стоит на распутье. Он может оставаться в наличном, разлагающем положении, либо вернуться к утерянной первоначальной чистоте основополагающих начал [7, с. 253].

Согласно Киреевскому, такая чистота воплощена в альтернативном к западноевропейскому византийском (точнее: византийско-христианском) типе просвещения и, соответственно, в просвещении древнерусском, которое является продолжением просвещения византийского, поскольку Древняя Русь переняла христианство из Византии, причем с чистого листа, не будучи отягощенной античным элементом в своей национальной культуре [7, с. 258–259]. И хотя на старте своего просвещения уровень образованности в России был не хуже западного, дальнейшее развитие русской образованности осуществлялось не без препятствий. В современной Киреевскому России (то есть в середине XIX в.), по его оценке, слишком превалирует западноевропейский тип просвещения, а византийский и древнерусский тип просвещения слабо проявлен и присутствует в основном в скрытом виде, нуждаясь в выявлении [7, с. 255].

Исторический контекст византиноцентризма И.В. Киреевского: вопросы. Этот выраженный византиноцентризм И.В. Ки-

реевского, представляющий собой внутренне-цельную позицию, послужит для меня ориентиром и отправной точкой для исследования линий отношения к Византии (и их исторического контекста), проявленных в русской историко-публицистической литературе начала – середины XIX в., то есть в литературе, представляющей собой контекст позиции Киреевского. Исследование этих линий послужит прояснению двух стоящих передо мною вопросов: узкого и широкого. Узкий вопрос связан с необходимостью прояснения специфики византиноцентрической позиции Киреевского на фоне эпохи, поскольку специфика этой позиции станет более очерченной, если мы взглянем в ее исторический фон. Стоящий же передо мною широкий вопрос связан с выявлением линий отношения к Византии в русском образованном обществе XIX в., при том что, по моему наблюдению, византийская цивилизация нередко понималась русскими мыслителями как имеющая родственную – точнее, родительскую – связь с цивилизацией русской. В связи с этим мне представляется важным исследовать спектр отношений различных русских мыслителей к этому родству. Действительно, такое родство может рассматриваться – на одном полюсе отношения – как несчастливое, как происхождение от злого родителя, и на другом полюсе оно может восприниматься как счастливое стечение родственных обстоятельств, дающее отпрыску благоприятные возможности, которых нет у других. Соответствующие полюсы ярко выражены у круга Киреевского (в который входит и он сам). Мы увидим это ниже.

Итак, контекст византиноцентризма Киреевского представляет собой картину с переплетением различных линий, как «провизантийского», так и «антивизантийского» характера. Я начну с последних.

Византия П.Я. Чаадаева. Очевидная полемическая линия для Киреевского в этом отношении связана с известным «антивизантийским» высказыванием из первого «Философического письма» П.Я. Чаадаева⁵ (написано в 1828–1829 гг., напечатано в русском переводе в 1836 г. в № 15 [т. XXIV] журнала «Телескоп»), где последний выражает позицию, полностью противоположную исходным интуициям Киреевского: русский народ испы-

тал сущностное влияние Византии, однако Византия рассматривается Чаадаевым в совершенно негативном ключе и влияние ее понимается как исключительно негативное. А именно, Чаадаев связывает несчастливую судьбу России с тем фактом, что «мы обратились за нравственным учением, которое должно было нас воспитать, к жалкой Византии» [23, с. 331]⁶. Противоположный взгляд высказывается Чаадаевым в его тексте «Ответ на статью А.С. Хомякова “О сельских условиях”» [23, с. 543], однако современные комментаторы текстов Чаадаева правдоподобно утверждают, что здесь у него звучит скорее ирония [23, с. 745–746].

Выражаемый Чаадаевым негативный образ Византии, связывающий Византию и византизм с моральным разложением, имеет длительную историю, восходящую к эпохе Просвещения. Эссенцией такого взгляда является фундаментальный многотомный труд британского историка Эдварда Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи» (*The History of the Decline and Fall of the Roman Empire, 1776–1789*), охватывающий в том числе историю византийской империи, рассматриваемой им как разложение Римской. Из самого названия этой книги видно, под каким углом зрения Гиббон смотрит на Византию.

Антивизантизм Г.В.Ф. Гегеля. И.В. Киреевский и А.А. Куник. Подобный взгляд (ср. [27, р. 5]) выражен и Георгом В.Ф. Гегелем в его «Лекциях по философии истории» (*Vorlesungen über die Philosophie der Weltgeschichte*) – труде, который был хорошо известен в России⁷ (так же как, впрочем, и книга Гиббона). Лекции по философии истории читались Гегелем в Берлинском университете в 1822, 1828 и 1830 гг. и изданы в их каноническом и полном варианте сыном Гегеля Карлом в 1840 г., уже после его смерти. В гегелевских лекциях проводится мысль о разумном принципе, присутствующем в изменениях, происходящих в ходе мировой истории. В плане составляющих историю элементов, проявленных в ходе нее, Гегель различает детский период, соответствующий Восточному миру, период юности – Греческий мир, период возмужалости – Римский мир и период зрелости – Германский мир. Византии в этой схеме Гегель отводит довольно скром-

ное место и посвящает ей несколько страниц (третья глава третьего отдела третьей части «Лекций») [25, S. 406–412; 5, с. 353–357]. Разделяя тот же взгляд, что и Гиббон, Гегель рассматривает Византию как излет Римской империи, а византийскую историю – как упадок римской. Гегель считает, что христианская идея не могла найти для себя адекватного воплощения в увядавшем Римском обществе, то есть в обществе, в котором она зародилась. И таким обществом, пригодным для воплощения идеи христианства, послужила вышедшая на мировую арену Германская цивилизация. Таким образом, Византия у Гегеля оказывается не включенной в ход развития Мирового Духа⁸. Более конкретно, Гегель утверждает, что византийское государство – это пример того, как христианство может оставаться в государстве абстрактным принципом, не проявленным в жизни народа [25, S. 409; 5, с. 356]. Следуя, вероятно, Гиббону, Гегель видит в ходе византийской истории лишь моральное разложение⁹.

Взгляд на Византию, представленный в «Лекциях по философии истории» Гегеля, бесспорно, представляет собой значимый полемический контекст для «византизма» Киреевского. О том, что наш автор был основательно знаком с «Философией истории» Гегеля, свидетельствует тот факт, что он делает очевидную отсылку к гегелевской «Философии истории» в статье «О характере просвещения Европы», настаивая на том, что философия византийских отцов Церкви представляет собой особую философию, отличную от остальных философских направлений и, в качестве выводящей разум за пределы рассудка, отличающуюся особой глубиной и богатством. Эта византийская философия, по Киреевскому, не оценена западными мыслителями и почти им неизвестна. «По крайней мере, – пишет Киреевский, – ни один философ, ни один историк философии, не упоминает об ней, хотя в каждой истории философии находим мы длинные трактаты о философии Индейской (то есть индийской. – Д. Б.), Китайской и Персидской» [7, с. 272]. Именно здесь я нахожу полемическую отсылку Киреевского к гегелевской «Философии истории»: действительно, три отдела первой части «Лекций по философии истории» Гегеля посвяще-

ны именно Индии, Китаю и Персии [25, S. 147–225; 5, с. 155–250]¹⁰.

Впрочем, еще до написания Киреевским статьи «О характере просвещения Европы» в русском литературном пространстве звучала критика гегелевской оценки Византии (так же как и славянства), данная в его «Лекциях по философии истории». Немец Арист Куник (Ernst-Eduard Kunick), историк, в первый раз приехавший в Москву в 1839 г., а затем ставший в России академиком по русской истории в Академии наук, опубликовал, благодаря симпатизировавшему ему М.П. Погодину, в погодинском «Москвитянине» за 1841 г. большую обзорную статью, посвященную исторической литературе в Германии за последние два года¹¹.

В этой статье, в которой просматривается его желание выступить «в роли беспристрастного посредника между славянской и немецкой наукой» [12, с. 1460], Куник касается и только что изданных в Германии «Лекций по философии истории» Гегеля. Соответственно, он критикует германоцентричность гегелевской философии истории и недооценивание значения византийского и славянского начал в мировой истории и развитии христианства: «Главнейшая его (Гегеля. – Д. Б.) ошибка состоит в том, что он, как германец, придает слишком высокое всемирное историческое значение тому племени, от которого происходит сам, и, относительно христианского периода, выставляет германцев как единственных и главных блюстителей христианства. И поэтому постепенное возрастание славянства и греческой Церкви, так же как и возможность их будущего значения, остаются сокрытыми от взоров Гегеля» [10, с. 128].

Таким образом, в русской литературе полемика с гегелевской германоцентрической схемой философии истории, которая не придает Византии (и славянству) исторического значения, сначала – и впервые – подверглась за это критике Аристом Куником (в 1841 г., почти сразу после выхода полного варианта гегелевских «Лекций по философии истории»), а после, десять лет спустя, и Киреевским.

Следы этой критики гегелевской историософской схемы можно обнаружить в сочинениях Куника и далее. Они обнаруживаются в его известном докладе «Почему Византия

дныне остается загадкой во всемирной истории?»), произнесенном, когда он стал уже академиком, в Академии наук 11 ноября 1853 г., а затем опубликованном в академических Ученых записках. Появление этого доклада и соответствующей статьи можно связать с тем, что Куник являлся горячим сторонником изучения Византии в России и способствовал возникновению российского академического византиноведения¹². В этой статье Куник отстаивает взгляд о неверности представления истории Византии и зависимых от ее культуры славянских стран как «добавочных статей во всеобщей истории». Куник настаивает, что византино-славянские народы представляют собой не менее органичную часть средневековой мировой истории, чем романо-германские [11, с. 428].

Отмечу также, что выделенная мною антивизантийская линия была весьма влиятельной в русской исторической и публицистической литературе первой половины – середины XIX века. Помимо Чаадаева, ее можно встретить, например, у А.И. Герцена (в сочинениях которого антивизантизм ярко выражен и разбросан по разным текстам), который был близким знакомым Киреевского, или же у писателя и публициста А.П. Милюкова, которому симпатизировал и герценовский круг [1, с. 718]. Милюков в своем «Очерке истории русской поэзии» (1-е издание: СПб., 1847), полемизируя со славянофилами [14, с. 7]¹³, отстаивает значимость норманнского влияния на происхождение и культуру древнерусского народа; и соответственно, византийское влияние на древнерусскую литературу, противопоставленное скандинавскому влиянию, Милюков оценивает как бесплодное и схоластическое [14, с. 9–10, 15, 27 и др.].

Византия А.С. Пушкина. Ближайший контекст византиноцентризма Киреевского включал в себя и определенную провизантийскую линию. Она состояла в признании благотворного влияния византийской языковой стихии на формирование славянского, древнерусского языка. Так, эта линия проявлена у А.С. Пушкина (входившего в круг общения молодого Киреевского¹⁴).

Прежде чем сказать о ней, очерчу контуры историософии, разделяемой Пушкиным, которая касается Византии в ее отношении к

русскому народу. Эта историософия выражена в неопубликованном, сохранившемся в черновиках тексте Пушкина «О ничтожестве литературы русской» (последний вариант текста: 1834 г.), а также в отражающем те же мысли его письме к Чаадаеву от 19 октября 1836 года. В этом письме Пушкин благодарит Чаадаева за присланную брошюру – как следует из контекста, это том «Телескопа» с первым «Философическим письмом» Чаадаева¹⁵, о котором я вел речь выше. Он полемизирует с выраженным в этом «Философическом письме» радикальным антивизантизмом Чаадаева и с его позицией о несчастье судьбы русского народа из-за перенятого им византийского наследия. В своем письме к Чаадаеву и в статье Пушкин говорит, что разделение церковью (и, соответственно, следование Россией византийскому изводу христианства) отделило Россию от Запада и хода западной истории с его потрясениями, но по этой же причине «у нас было свое особое предназначение». Пушкин не принимает всерьез утверждения Чаадаева о том, что «источник, откуда мы черпали христианство, был нечист, что Византия была достойна презрения и презираема». По Пушкину, нравы Византии не оказали существенного влияния на Русь, но при этом «мы» взяли из Византии «Евангелие и предания»¹⁶, а русское духовенство хоть и в скромной мере, но заимствовало византийскую образованность [19, с. 432]. Все это Пушкин, как следует из контекста, рассматривает позитивно.

Позитивный полюс этого умеренно-положительного отношения Пушкина к византийскому наследию в русской культуре проявился в его более ранних рассуждениях о том, что русский язык обязан своей красотой и выразительностью языку греческому, одарившему его этими свойствами. Эти мысли Пушкин развивает в своей статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А. Крылова», опубликованной в «Московском телеграфе» за 1825 г. (ч. V, № 17). Пушкин видит счастливость русского языка по отношению к европейским в том, что он был сформирован на основе греческого: «Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке

древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи <...>. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заемлет он гибкость и правильность» [20, с. 27]¹⁷.

Таким образом, отношение Пушкина к Византии и статусу ее наследия в русской культуре представляется срединным между крайними полюсами позиций Киреевского и Чаадаева. В отличие от Чаадаева, видевшего историческую неудачливость русского народа в восприятии им византийского наследия как преобладающего в своем развитии, Пушкин видит в этом скорее удачу русских. «Темная сторона» византийцев его не пугает, поскольку он признает свободу в развитии русского народа, отсутствие детерминированности русских византийским наследием, каковая заложена в позиции Чаадаева. При этом, в отличие от позднего Киреевского (взгляды которого Пушкин не успел узнать), Пушкин не разделяет представления о некоей высшей духовной связи и единстве, наличествующем между Византией и Россией, и оставляет России свободу от Византии и в этом смысле.

Результаты. Итак, мой взгляд на публицистическое наследие И.В. Киреевского выделяет в его славянофильском учении особое, специфическое отношение к Византии («византийскому просвещению»), которое я квалифицирую как византиноцентризм. В настоящей статье я описываю специфику отношения Киреевского к Византии, а также предлагаю материал, способствующий прояснению двух стоящих передо мною вопросов. Один из этих вопросов – более узкий – связан с необходимостью анализа образа Византии у мыслителей круга Киреевского с целью более глубокого понимания специфики византиноцентрической позиции Киреевского, как данной в контексте его эпохи. Другой – широкий – вопрос связан с тем, что, по моему наблюдению, византийская цивилизация нередко понималась русскими мыслителями как имеющая родительскую связь с цивилизацией русской. В связи с этим мне представляется важным исследовать спектр отношений различных русских мыслителей к такому родству.

В ходе исследования я выявил две противоположные линии в плане восприятия образа Византии, проявляющиеся в круге Киреевского (в который входит и он сам). Одну из этих линий можно назвать антивизантийской, другую – провизантийской. Первая линия восходит к антивизантийскому посланию, характерному для эпохи Просвещения; она нашла свое проявление в «Лекциях по философии истории» Г.В.Ф. Гегеля, которые стали известны в России вскоре после их публикации. В данном исследовании я указываю на следы в статье Киреевского «О характере просвещения Европы» имплицитной полемики с антивизантизмом Гегеля и выявляю контекст этой полемики в русской историко-публицистической литературе. Такой контекст я обнаруживаю в опубликованных в русской печати статьях А.А. Куника – немецкого историка, переехавшего в Россию и сделавшего академическую карьеру. Эта просвещенческая антивизантийская линия (еще не индуцированная Гегелем) ярко проявлена у П.Я. Чаадаева, для которого тема родственной связи русской цивилизации с византийской была острой и, можно сказать, травматичной – но именно потому, что Чаадаев рассматривал такое родство как несчастливый фатум русского народа, а «родителя» – Византию – считал презренной. Такой взгляд противоположен взгляду Киреевского, для которого эта связь также представляется очевидной, однако Киреевский воспринимает ее как счастливую. А.С. Пушкин – близкий знакомый как Чаадаева, так и Киреевского (еще в его дославянофильский период) – также признает эту родственную связь и, как и позднее Киреевский, воспринимает ее как счастливую и благотворную для России (то есть у обоих мы находим провизантийскую линию). При этом взгляд Пушкина предполагает свободу и отсутствие детерминированности русских византийским наследием, каковая заложена в позиции Чаадаева. Разница же между Пушкиным и Киреевским в этом плане в том, что византиноцентризм Киреевского включает в себя представление о некоей высшей духовной связи между Византией и Россией, тогда как Пушкин оставляет России свободу от Византии и в этом отношении.

Мои исследования показывают, что предложенным выше материалом контекст визан-

тиноцентризма И.В. Киреевского далеко не исчерпывается. Так, непосредственный контекст в этом отношении составляют публичные лекции Т.Н. Грановского по истории средних веков 1843–1844 гг., прочитанные в Московском университете, и ответные публичные лекции по истории русской словесности С.П. Шевырева, а также другие авторы и тексты. Но этот материал я рассмотрю в последующих публикациях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-68-46021 «Славянофильство в религиозно-философском диалоге: 1836–1917».

This research was carried out with financial support of the Russian Science Foundation, the project No. 20-68-46021, “Slavophilism in Its Religious and Philosophical Dialogue: 1836–1917”.

² Те же идеи, в менее развернутом виде, выражены И.В. Киреевским в статье «В ответ А.С. Хомякову» (1839) и в статье «О необходимости и возможности новых начал для философии» (1856).

³ В этом издании сочинение И.В. Киреевского было опубликовано с цензурными сокращениями. Без цензурных правок впервые оно было опубликовано в издании [8, с. 174–222]. Здесь реконструкция полного текста была осуществлена М.О. Гершензоном на основании статьи [3].

⁴ Я благодарю В.М. Лурье, обратившего мое внимание на эту публикацию.

⁵ О взаимоотношениях Чаадаева и Киреевского см.: [15, с. 304].

⁶ Русский перевод с небольшими изменениями. Французский оригинальный текст: «nous allions chercher dans la misérable Byzance... le code moral qui devait faire notre éducation» [23, с. 97].

⁷ Так, гегелевская философия истории составляет важный контекст для фундаментальной историософии А.С. Хомякова, выраженной в его «Семирамиде».

⁸ Ср. хорошее описание византийского элемента в гегелевской историософии у младшего современника Киреевского М.М. Стасюлевича [22, с. 474–475].

⁹ «История высокообразованной Восточной римской империи, где, как следовало бы думать, дух христианства мог бы быть понят в своей истинности и чистоте, представляет нам тысячелетний ряд беспрестанных преступлений, слабостей, низостей и проявлений бесхарактерности, ужаснейшую и поэтому всего менее интересную картину.

<...> В Византии христианство попало в руки подонков и необузданной черни. С одной стороны грубая дикость, с другой стороны придворная низость оправдывают себя религией и оскверняют ее, обращая ее в нечто позорное» [5, с. 355–356; 25, S. 408–409].

¹⁰ Этот факт не отмечен в известных мне исследованиях, касающихся наследия философии Гегеля у славянофилов и И. Киреевского, и в частности, в фундаментальном исследовании Д.И. Чижевского «Гегель в России» [31] (современное издание на русском языке: [24]).

¹¹ Эта статья была написана Куником еще на немецком языке (в дальнейшем, живя в России продолжительное время, Куник писал уже на русском) и опубликована в «Москвитянине» в переводе П. Пяттерикова.

¹² В частности, Куник способствовал появлению в России первого (и существующего до сих пор) специализированного периодического академического издания, посвященного Византии – журнала «Византийский Временник», см. [12, с. 1472].

¹³ У меня был доступ только ко второму изданию этой книги 1858 года.

¹⁴ Переписка Пушкина и Киреевского опубликована в издании [17]. Об отношениях Пушкина и Чаадаева см. [18].

¹⁵ Публикаторы этого письма Пушкина (Л.Б. Модзалевский, И.М. Семенко, Б.В. Томашевский) не отражают в комментариях того, о какой брошюре могла идти речь, однако из датировки письма Пушкина и его содержания несомненно следует, что речь идет о 15-м номере «Телескопа» за 1836 г., в котором было опубликовано первое «Философическое письмо» Чаадаева.

¹⁶ Русский перевод: [21, с. 866–867]. Французский оригинал: [21, с. 595–596].

¹⁷ О провизантийской позиции Пушкина, выраженной в его рассуждениях о русском языке, и об историческом контексте этой позиции см. [4, с. 18–19, примеч. 1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А.А. Чумиков – Герцену. Публикация М.Я. Полякова. Письмо от 5 августа 1851 г. // Литературное наследство. Т. 62. Герцен и Огарев II. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 710–725.

2. Бирюков Д. С. Исследование рецепции паламизма в русской мысли начала XX в.: вопрос о философском статусе паламизма и варлаамизма, его решения и контекст // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 23, № 5. – С. 34–47. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.5.3>.

3. Веневитинов, М. А. И. В. Киреевский и цензура «Московского сборника» / М. А. Веневитинов // Русский архив. – 1897. – Кн. 10. – С. 287–291.
4. Виноградов, В. В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка / В. В. Виноградов. – М.; Л.: АКАДЕМИА, 1935. – 462 с.
5. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель; пер. А. М. Водена. – СПб.: Наука, 1993. – 480 с.
6. Киреевский, И. В. Духовные основы русской жизни / И. В. Киреевский. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2007. – 445 с.
7. Киреевский, И. В. Критика и эстетика / И. В. Киреевский; сост., вступ. ст. и примеч. Ю. В. Манна. – М.: Искусство, 1979. – 439 с. – (Серия «История эстетики в памятниках и документах»).
8. Киреевский, И. В. Полное собрание сочинений. В 2 т. Т. I / И. В. Киреевский; под ред. М. Гершензона. – М.: Путь, 1911. – 289 с.
9. Киреевский, И. В. Разум на пути к истине: философские статьи, письма, дневник / И. В. Киреевский. – М.: Правило веры, 2002. – 663 с.
10. Куник, А. Литература истории в Германии за последние два года (окончание) [Ч. 2] / А. Куник // Москвитянин. Журнал, издаваемый М. Погодиным. – 1841. – Ч. III, № 5. – С. 68–130.
11. Куник, А. А. Почему Византия донныне остается загадкой во всемирной истории? / А. А. Куник // Ученые Записки Императорской Академии наук по I и III отделениям. Т. II. – СПб., 1853. – С. 423–454.
12. Лаппо-Данилевский, А. С. Арист Аристович Куник. Очерк его жизни и трудов (с портретом) / А. С. Лаппо-Данилевский // Известия Императорской Академии наук. – Петроград, 1914. – С. 1455–1479.
13. Мейендорф, И., протопресв. Церковь в истории. Статьи по истории Церкви: [пер. с англ. и фр.] / И. Мейендорф; сост. И. В. Мамаладзе; авт. предисл. и науч. ред. П. Б. Михайлов. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. – XXXII, 1010 с.
14. Милюков, А. П. Очерк истории русской поэзии / А. П. Милюков. – Второе, доп. изд. – СПб., 1858. – 236 с.
15. Милюков, П. Главные течения русской исторической мысли / П. Милюков. – М., 1897. – Т. 1. – 308 с.
16. Московский сборник / изд. подг. В. Н. Греков. – СПб.: Наука, 2014. – 1308 с. – (Серия «Литературные памятники»).
17. Переписка А. С. Пушкина. В 2 т. Т. 2. – М.: Худож. лит., 1982. – 574 с. – (Переписка русских писателей).
18. Пугачев, В. В. Пушкин и Чаадаев / В. В. Пугачев // Сборник статей к 80-летию члена-корреспондента АН СССР Д. Д. Благого. – М.: Наука, 1973. – С. 101–111.
19. Пушкин, А. С. О ничтожестве литературы русской / А. С. Пушкин // Литературное наследство. Т. 16–18. Александр Пушкин. – М.: Журнально-газетное объединение, 1934. – 1183 с.
20. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах / А. С. Пушкин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – Т. VII. – 768 с.
21. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах / А. С. Пушкин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – Т. X. – 899 с.
22. Стасюлевич, М. Опыт исторического обзора главных систем философии истории / М. Стасюлевич. – СПб., 1866. – 506 с.
23. Чаадаев, П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. В 2 т. Т. 1 / П. Я. Чаадаев; под ред. З. А. Каменского. – М.: Наука, 1991. – 801 с.
24. Чижевский, Д. И. Гегель в России / Д. И. Чижевский. – СПб.: Наука, 2007. – 411 с.
25. Hegel, G. W. F. Werke, Band 12. Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte / G. W. F. Hegel. – Suhrkamp Verlag AG, 1989. – 568 S.
26. Ivanov, S. A. The second Rome as seen by the third: Russian debates on “the Byzantine legacy” / S. A. Ivanov // The Reception of Byzantium in European Culture since 1500 / ed. by P. Marciniak, D. C. Smythe. – L.; N. Y.: Routledge, 2016. – P. 55–79.
27. Marciniak, P. Introduction / P. Marciniak, D. C. Smythe // The Reception of Byzantium in European Culture since 1500 / ed. by Przemyslaw Marciniak and Dion C. Smythe. – L.; N. Y.: Routledge, 2016. – P. 1–8.
28. Meyendorff, J. The Byzantine Impact on Russian Civilization / J. Meyendorff // Windows on the Russian Past: Essays on Soviet Historiography since Stalin. – Columbus, OH, 1977. – P. 45–56.
29. Obolensky, D. Byzantium and the Slavs: Collected Studies / D. Obolensky. – L.: Variorum Reprints, 1971. – 323 p.
30. Obolensky, D. Modern Russian Attitudes to Byzantium / D. Obolensky // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinische Gesellschaft. – 1966. – № 15. – P. 61–72.
31. Tschizewskij, D. Hegel in Rußland / D. Tschizewskij. – Halle, 1934.

REFERENCES

1. A.A. Chumikov – Gercenu. Publikacija M.Ja. Poljakova. Pis'mo ot 5 avgusta 1851 g. [A.A. Chumikov to Herzen. Publication by M.Ya. Polyakov. Letter of August 5, 1851]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 62. Gercen i Ogarev II* [Literary Heritage. Vol. 62. Herzen and Ogarev 2]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1952, pp. 710-725.

2. Birjukov D.S. Issledovaniye retseptsii palamizma v russkoy mysli nachala XX v.: vopros o filosofskom statuse palamizma i varlaamizma, ego resheniya i kontekst [The Reception of Palamism in Russian Thought in the Early 20th Century: The Issue of the Philosophical Status of Palamism and Barlaamism, Its Solutions and Context]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 5, pp. 34-47. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.5.3>.
3. Venevitinov M.A. I.V. Kireevskij i cenzura «Moskovskogo sbornika» [I.V. Kireyevsky and the Censorship of the “Moskovskiy sbornik” (“Moscow Collection”)]. *Russky arkhiv*, 1897, book 10, pp. 287-291.
4. Vinogradov V.V. *Jazyk Pushkina. Pushkin i istoriya russkogo literaturnogo jazyka* [Pushkin’s Language. Pushkin and the History of the Russian Literary Language]. Moscow, Leningrad, ACADEMIA Publ., 1935. 462 p.
5. Gegel’ G.V.F. *Lekcii po filosofii istorii* [Lectures on the Philosophy of History]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1993. 480 p.
6. Kireevskij I.V. *Duhovnye osnovy russkoj zhizni* [Spiritual Foundations of Russian Life]. Moscow, Institut russkoj civilizacii Publ., 2007. 445 p.
7. Kireevskij I.V. *Kritika i jestetika* [Criticism and Aesthetics]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 439 p. (Series: “History of Aesthetics in Monuments and Documents”).
8. Kireevskij I.V. *Polnoe sobranie sochinenij. V 2 t. T. I* [Complete Collection of Works. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Put’ Publ., 1911. 289 p.
9. Kireevskij I.V. *Razum na puti k istine: filosofskie stat’i, pis’ma, dnevnik* [The Mind on the Path to Truth: Philosophical Articles, Letters, Diary]. Moscow, Pravilo very Publ., 2002. 663 p.
10. Kunik A. Literatura istorii v Germanii za poslednie dva goda (okonchanie) [Ch. 2] [The Literature of History in Germany over the Past Two Years (Ending) [Part 2]]. *Moskvityanin*, 1841, part 3, no. 5, pp. 68-130.
11. Kunik A.A. Pochemu Vizantiya donyue ostaetsja zagadkoj vo vseмирnoј istorii? [Why Does Byzantium to This Day Remain a Mystery in World History?]. *Uchenye Zapiski Imperatorskoj Akademii nauk po I i III otdelenijam. T. II* [Scientific Notes of the Imperial Academy of Sciences, Departments 1 and 3. Vol. 2]. Saint Petersburg, 1853, pp. 423-454.
12. Lappo-Danilevskij A.S. Arist Aristovich Kunik. Oчерk ego zhizni i trudov (s portretom) [Arist Aristovich Kunik. Outline of His Life and Works (With Portrait)]. *Izvestija Imperatorskoj Akademii nauk* [Proceedings of the Imperial Academy of Sciences]. Petrograd, 1914, pp. 1455-1479.
13. Meјendorf I. *Cerkov’ v istorii. Stat’i po istorii Cerkvi* [The Church in History. Articles on the History of Church]. Moscow, Izd-vo PSTGU, 2018. XXXII, 1010 p.
14. Miljukov A.P. *Oчерk istorii russkoj poezii* [Essay on the History of Russian Poetry]. Saint Petersburg, 1858. 236 p.
15. Miljukov P. *Glavnye techenija russkoj istoricheskoy mysli* [Main Trends of Russian Historical Thought]. Moscow, 1897, vol. 1. 308 p.
16. Grekov V.N., ed. *Moskovskij sbornik* [Moscow Collection]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2014. 1308 p. (Series: “Literary Works”).
17. *Perepiska A.S. Pushkina. V 2 t. T. 2* [Correspondence of Alexander Pushkin. In 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1982. 574 p. (Series: “Correspondence of Russian Writers”).
18. Pugachev V.V. Pushkin i Chaadaev [Pushkin and Chaadaev]. *Sbornik statej k 80-letiju chlenakorrespondenta AN SSSR D.D. Blagogo* [Collection of Articles for the 80th Anniversary of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences D.D. Blagoy]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 101-111.
19. Pushkin A.S. O nichtozhestve literatury russkoj [On Insignificance of Russian Literature]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 16–18. Aleksandr Pushkin* [Literary Heritage. Vols. 16–18. Alexander Pushkin]. Moscow, Zhurnal’no-gazetnoe ob’edinenie Publ., 1934. 1183 p.
20. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenij v desjati tomah* [Complete Collection of Works in 10 Volumes]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1951, vol. 7. 768 p.
21. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenij v desjati tomah* [Complete Collection of Works in 10 Volumes]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1951, vol. 10. 899 p.
22. Stasjulevich M. *Opyt istoricheskogo obzora glavnyh sistem filosofii istorii* [Experience of Historical Overview of the Main Systems of Philosophy of History]. Saint Petersburg, 1866. 506 p.
23. Chaadaev P.Ja. *Polnoe sobranie sochinenij i izbrannye pis’ma. V 2 t. T. I* [Complete Collection of Works and Selected Letters. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 801 p.
24. Chizhevskij D.I. *Gegel’ v Rossii* [Hegel in Russia]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2007. 411 p.
25. Hegel G.W.F. *Werke, Band 12. Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte*. Suhrkamp Verlag AG 1989. 568 S.
26. Ivanov S.A. The Second Rome as Seen by the Third: Russian Debates on “The Byzantine Legacy”. Marciniak P., Smythe D.C., eds. *The*

Reception of Byzantium in European Culture Since 1500. London, New York, Routledge, 2016, pp. 55-79.

27. Marciniak P., Smythe D.C. Introduction. Marciniak P., Smythe D.C., eds. *The Reception of Byzantium in European Culture Since 1500*. London, New York, Routledge, 2016, pp. 1-8.

28. Meyendorff J. The Byzantine Impact on Russian Civilization. *Windows on the Russian Past*:

Essays on Soviet Historiography Since Stalin. Columbus (Ohio), 1977, pp. 45-56.

29. Obolensky D. *Byzantium and the Slavs: Collected Studies*. London, Variorum Reprints, 1971. 323 p.

30. Obolensky D. Modern Russian Attitudes to Byzantium. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinische Gesellschaft*, 1966, no. 15, pp. 61-72.

31. Tschizewskij D. *Hegel in Rußland*. Halle, 1934.

Information About the Author

Dmitry S. Biriukov, Doctor of Sciences (Philosophy), PhD, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Bolshaya Morskaya St, 67, 190000 Saint Petersburg, Russian Federation; Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk), Nikolaeva St, 8, 630090 Novosibirsk, Russian Federation; Researcher, National Research University Higher School of Economics, Myasnitskaya St, 20, 101000 Moscow, Russian Federation, dbirjuk@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3000-0864>

Информация об авторе

Дмитрий Сергеевич Бирюков, доктор философских наук, PhD, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, ул. Большая Морская, 67, 190000 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск), ул. Николаева, 8, 630090 г. Новосибирск, Российская Федерация; научный сотрудник, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, ул. Мясницкая, 20, 101000 г. Москва, Российская Федерация, dbirjuk@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3000-0864>